

Л.Ю. ПИРАГИС
КРАСАВЧИК

Леонард Пирагис

Красавчик

«Сибирская Благовонница»

2010

Пирагис Л.

Красавчик / Л. Пирагис — «Сибирская Благозвонница», 2010

Имя писателя Л.Ю. Пирагиса (1876–1939) незаслуженно забыто современными читателями. А между тем до революции 1917 года он был редактором детского журнала «Всходы» и опубликовал в нем около двадцати своих произведений. Лучшая повесть писателя – «Красавчик» – вышла в 1914 году. Она отдаленно напоминает повесть писателя Г. Мало «Без семьи» и также рассказывает о судьбе двух мальчиков, по воле случая ставших бродягами. Выжить в трудные годы помогают Митьке-Шманале и Мишке-Красавчику взаимовыручка и настоящая крепкая дружба.

© Пирагис Л., 2010

© Сибирская Благозвонница, 2010

Содержание

Об авторе	5
Беглые	6
В укромном уголке	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Красавчик

Об авторе

Леонард Юлианович Пирагис (Король-Пурашевич) родился в Петербурге в 1876 году. Среди многочисленных псевдонимов Л. Ю. Пирагиса самый известный – «Л. Кормчий». Им он чаще всего подп свои произведения. А псевдонимов у Пирагиса было немало, да и в его фамилиях трудно разобраться – какая из них настоящая.

Известно о Л. Ю. Пирагисе немного. До начала своей литературной деятельности он работал учителем русского языка в пансионе. По политическим убеждениям был эсером и даже какое-то время сидел в Петербургской тюрьме Кресты. Участвовал в двух экспедициях: на Малую Землю в 1907-м и в Восточную Африку в 1911 годах, но не воспользовался привезенным оттуда богатым материалом при написании своих книг.

До революции 1917 года Л. Ю. Пирагис был редактором детского журнала «Всходы». В приложениях к этому журналу вышло около 20 его произведений. Одно из них – повесть «Красавчик», которая была издана в 1914 году. Главными темами его детских книг были: каникулы мальчиков, легенды старого рыбака, судьба бедного сироты, которому помогают богатые люди.

Современники отмечали абсолютную писательскую всеядность Л. Ю. Пирагиса. Среди его литературных трудов есть и брошюры о выделке кожи, о приготовлении чернил, руководство по фотографии, и рассказы для детей, и авантюрные газетные романы. Была у Л. Ю. Пирагиса и книга «Нравственный распад молодежи...» (1908 г.), в которой он ставил вопросы нравственного воспитания молодого поколения.

В феврале 1918 года в «Правде» появилась статья Л. Ю. Пирагиса «Забывтое оружие». В ней он изложил принципы создания новой детской литературы. По мнению Л. Ю. Пирагиса, у детской литературы чрезвычайно высокие воспитательные цели, она влияет на характер ребенка. И поэтому надо освободиться от дореволюционной буржуазной литературы, которая растила послушных рабов Церкви и царя. Через год Л. Ю. Пирагис становится редактором журнала «Красные зори, в котором он печатает свою новую повесть «Под красным стягом», заявляя ее как пример «новой» детской литературы. Однако во втором номере журнала продолжения повести не последовало. Л. Ю. Пирагис «исчез».

Оказывается, он уехал в Европу. Публиковался в «Русской книге» в Берлине. Был редактором различных газет и журналов в Риге. Стал писать массовую развлекательную литературу для взрослых. За годы, прожитые в Риге, Л. Ю. Пирагис издал 12 книг, напечатал 5 авантюрных газетных романов и несколько десятков рассказов. Известен один из его журналов того времени – «Юный читатель». Темами журнала стали спорт и увлечения детей. В статьях о детской литературе тех лет он уже отрицательно высказывался о большевизме и отмечал его пагубное влияние на детей.

В 1939 году Л. Ю. Пирагис переехал в Германию, где работал в ультраправой газете «Завтра». Умер он предположительно после Второй мировой войны.

Беглые

– Теперь только пробраться сквозь кусты и отдохнем. Хорошее местечко там знаю. Увидишь вот.

Митька уверенно свернул с дороги на тропинку, едва заметной полоской вившуюся среди густых зарослей ольшаника. В белой ночной мути терялись очертания кустарника, и он казался бесформенной плотной массой, приникшей к земле. Тропинку трудно было разглядеть среди кустов, но это не мешало Митьке двигаться вполне уверенно: он шел, почти не приглядываясь к дороге, как человек, хорошо знакомый с местностью. Не оборачиваясь на ходу, он говорил:

– Тут я в прошлый год целый месяц прожил. Место, брат, роскошь да и только... Шикарно тут... Сам увидишь – вот погоди... Шевелись, Красавчик, теперь уж скоро.

Красавчик «шевелился», стараясь не отставать от товарища. Но, видно, он меньше Митьки привык к подобным дорогам. В то время, как Митька беззаботно двигался вперед, Красавчик поминутно спотыкался о корни, до того зашибая ноги, что приходилось закусывать губу от боли. Он останавливался на секунду потереть ушибленное место, и тогда почти терял из виду фигуру Митьки, пропадавшую среди мглы белой ночи и кустов. Красавчик с трудом нагонял товарища, что было почти не под силу усталым ногам.

– Иди ты потише! – не выдержал он наконец.

Митька обернулся.

– Устал здорово? – сочувственно спросил он. – Потерпи немного, сейчас дойдем... Скоро уже...

И сбавил шаг. Красавчик молча шел за ним. Митька ступал почти не слышно, и ноги его тонули в сумраке тропинки: казалось, он не шел, а плыло его туловище среди какой-то плотной темно-серой массы, покачиваясь и колеблясь, словно челнок на зыби.

Шли с полчаса. Красавчик поминутно перекидывал с плеча на плечо тощую котомку. Она была почти пуста, но все-таки сильно тяготила плечи, нывшие словно после побоев. Наконец Митька воскликнул:

– Пришли, Миша!

Красавчик вздохнул полной грудью и одним прыжком нагнал товарища.

Заросли расступились перед ними, образуя небольшую площадку, ограниченную крутым обрывом. Глубину обрыва заполнял седой сумрак, и ничего нельзя было разобрать внизу. Только долетал оттуда какой-то невнятный нежный ропот, словно перешептывались в глубине оврага бледные призраки ночи. Красавчик прислушался к шуму.

– Речка?

– Ручей. В нем головлей много поутру наловим. А теперь давай-ка костер разводить.

Красавчик кинул на траву сумку и нехотя пошел за приятелем собирать топливо. Он страшно устал: все тело так и ломило, а ноги отказывались повиноваться и были тяжелы, точно свинцовые. Митька тоже чувствовал сильную усталость, но бодрился и, собрав остаток сил, принялся за работу; только треск пошел по кустам, вспугивая спящих птиц. Пример товарища заразил Красавчика, и вскоре внушительная куча хвороста была на площадке.

Митька принялся разжигать костер; Красавчик лег возле него на траву.

Роса приятно освежала вспотевшее, горевшее от долгой ходьбы тело, и мальчик с наслаждением прижался лицом к траве, чувствуя приятную негу, разливавшуюся по членам. С ног точно тяжесть спадала. Казалось, будто за день на них постепенно наматывался пройденный путь и теперь спадал понемногу, рождая истому.

Вспыхнул огонек. Затрещали сухие ветки... Неуверенно заскользили по хворосту язычки пламени, точно нащупывая и пробуя добычу... Потом потянулись выше, разбежались вокруг

кучи хвороста и, соединяясь, поднялись кверху трепещущим огненным столбиком. Светлый отблеск заиграл на траве и кустах, сорвав с них призрачный покров белой ночи.

Митька прикинул в костер еще охапку хвороста и откинулся на траву.

– Тут мы и поживем немного. Как думаешь? – спросил он.

– Мне все равно.

– Мне тоже... Ужинать будем? Красавчику было не до ужина. От усталости клонило ко сну. Веки слипались сами собой. Он еле расслышал вопрос приятеля и вымолвил, поборов на секунду дрему:

– Завтра... Митька засмеялся.

– Завтра? Ну, до ужина-то не дотерпишь... Так не хочешь, Красавчик, а?

Красавчик не ответил. Невнятно как-то прозвучали слова Митьки его затуманенному слуху. Он хотел было переспросить, но желание это мигом пропало и лишь легкий вздох вылетел из груди. Мальчика сковал крепкий сон.

С минуту Митька глядел на уснувшего. Хмурая ласка светилась в его глазах и губы слегка улыбались. Потом его самого начало клонить ко сну; Митька зевнул. Потянулся было к котомке с провизией, но, видно, раздумал ужинать, махнул рукой, примостился возле Красавчика и вскоре уснул.

Тихо стало на площадке. Прыгали и извивались мелкие тревожные тени вокруг костра, потрескивало пламя, и из оврага доносился невнятный говор струек воды. Саван белой ночи стал гуще, плотнее. Слепая мгла прочно присосалась к земле, опутав ее покровом загадки.

И Митька и Красавчик были бездомными бродягами, несмотря на то, что Митьке было 12 лет, а Красавчику едва минуло 11. Митька остался сиротой четырех лет от роду и сохранил о родителях лишь смутное воспоминание. Что касается Красавчика, то он вообще не мог с уверенностью сказать, были ли у него когда-нибудь родители. С тех пор, как он стал помнить себя, он знал лишь горбатую старуху со злым хищным лицом, вечно грязную и полупьяную. Ее он называл теткой Палашей. Так ее звали и еще несколько ребят, живших у нее; Митька тоже. За глаза дети звали старуху Крысой.

Обитала Крыса в громадном каменном доме, укрывшемся в узеньком грязном переулке. Дом был мрачный, старый, с потрескавшимися и облупленными стенами. За домом издавна установилась плохая репутация, и полиции частенько приходилось заглядывать в его трущобы. И нельзя сказать, чтобы посещения эти нравились обитателям дома: они далеко не ладили с полицией.

В грязных конурах дома ютилась нищета, наряду с преступлением. Нищие, искусно разыгрывающие калек, воры, грабители и даже убийцы находили себе приют в «Пироговской лавре», как называли сами жильцы свое огромное логово. Случалось даже беглым каторжникам скрываться от преследований в Пироговской лавре и это нисколько не стесняло ее обитателей: наоборот, каждый из них был готов помочь, чем угодно, этим отверженным и досадить полиции.

Старая Крыса пользовалась большой известностью в «Пироговской лавре». Половина населения дома нуждалась в ее услугах, так как она охотно покупала краденые вещи и замечательно ловко сбывала их.

Помимо скупки краденого Крыса промышляла также и нищенством. Сама она, впрочем, не собирала милостыню: для этого у нее было около дюжины мальчиков и девочек. Большинство из них были отданы Крысе самими родителями за известную помесечную плату, но были и сироты вроде Красавчика, за которых Крыса никому не давала отчета.

Ребятишки с утра выгонялись на улицу и к вечеру должны были доставить старухе определенную сумму. Если случалось кому-нибудь из маленьких рабов Крысы не добрать хотя бы нескольких копеек, Крыса жестоко избивала несчастного. Плеть у нее была казачья, а рука тяжелая.

Один Митька занимал в квартире Крысы особенное положение. Он был вольным жильцом у нее. Презирая и ненавидя старуху, он все-таки вынужден был жить у нее, так как некуда было деться. Несмотря на юный возраст, у Митьки были уже серьезные счета с полицией. Он бежал из тюрьмы для малолетних, куда попал за какую-то кражу, и поселился у Крысы, так как жить у нее было безопасно. Несмотря на свою темную деятельность, старуха умела устраиваться таким образом, что полиция ее не беспокоила. Митьке это было на руку.

Для Крысы в свою очередь Митька был выгодным жильцом. Она боялась, как бы Митька не покинул ее, и угождала ему насколько могла.

Митька промышлял воровством. Выросший среди подонков общества, он в раннем детстве еще постиг все тайны сложного и опасного ремесла воров-карманников и пользовался среди них довольно большой известностью под кличкой Митьки-Шманалы¹.

К нищенству Митька питал глубокое презрение. Собирать милостыню, как это делали ребяташки Крысы, было в его глазах делом, недостойным мужчины. Поэтому к сожителям своим по квартире он относился свысока и постоянно держался в стороне от них, точно аристократ какой-то, случайно попавший в дурное общество. Только к Красавчику проявлял он некоторую симпатию. Влекла ли его к нему природная мягкость и нежность мальчика или другое что, – трудно сказать. Только Митька почти с первого дня водворения у Крысы взял его под свою опеку, и нельзя сказать, чтобы опека эта была шуточной.

Красавчику хуже всех жилось у Крысы. Нежный, хрупкий и беззащитный мальчик терпел постоянно обиды от товарищей, да и от старухи ему доставалось больше, чем другим.

Он довольно равнодушно сносил побои, что крайне возмущало Крысу. Кроме того, красивое лицо мальчика, странно-раздражающе действовало на старуху, а вечно-грустные, большие карие глаза приводили ее в бешенство. Вообще у Красавчика была странная наружность, не соответствующая обстановке, в которой он вращался. Временами казалось, что он походил на принца, вздумавшего, прихоти ради, облачиться в лохмотья и опуститься на дно жизни. Это-то и возмущало Крысу зачастую колотившую мальчика без всякого повода. Точно хотелось старухе отвести душу на нем, выместить на красивом ребенке свое уродство, свое безобразие, с детства доставшееся в удел. И она издевалась над ним:

– Ишь красавчик какой выискался! Уж я разукрашу тебя, будешь доволен!

Иногда она устраивала целые представления к великой потехе ребяташек. Вечерком, на досуге, осушив добрую половину полштофа², старуха подзывала к себе Красавчика.

– Поди-ка сюда, миленький. Чтой-то я тебя день-деньской не видывала, соскучилась даже. Ну, поди же к тетке-то, племянничек родненький. Красавчик мой...

Голос у старухи звучал притворной нежностью, а глаза смеялись и скрывали в себе какой-то хищный огонек – предвкушение злорадного удовольствия.

Заслышав старуху, со всех углов квартиры начинали собираться ее маленькие обитатели бросив орлянку и три листка, так как предстоящая потеха над Красавчиком обещала куда больше удовольствия, чем эти повседневные игры.

Красавчик не спешил на зов родственницы, а старался забраться подальше в какой-либо темный уголок, а то и вовсе выскользнуть из квартиры. А Крыса между тем жаловалась:

– Ну, видите, какой племянничек-то у меня... Нет того, чтобы подбежать к тетке, обнять да поцеловать... Прячется... Ох, горе мое!

И вздох старухи покрывался смехом восторг женных слушателей: так комично разыгрывала Крыса роль любящей родственницы.

¹ *Шманала* – на воровском жаргоне карманный вор.

² *Полштоф (полуштоф)* – единица измерения объема жидкости равная ¹/₂ штофа, что составляет 0, 61495 л. Полуштоф использовался в трактирах для измерения количества вина и водки. Также полуштофом называли бутылку или другую емкость объемом ¹/₂ штофа. – *Прим. ред.*

– Маешься день целый, продолжала старуха, – рада хоть вечерком-то душу отвести с родственничком. Мишенька, где ты, родимый?

Пауза. Старуха сокрушенно качала головой и прислушивалась, точно ждала отклика.

– Не идет. Уж вы, ребятишки, разыщите мне его, а то стосковалась я.

Мальчишки только этого и ждали. Со смехом, целой оравой кидались они и волокли бледного, дрожащего всем телом мальчика к Крысе.

– Не идет, тетка Палаша, упирается!

– Упирается? Экий ведь непокорный! К тетке родной не идет!.. Где бы приголубился другой, а он нако-ся! Ну-ка давайте мне его, красавчика нашего.

Костлявые пальцы, изогнувшись, как клюв хищной птицы, вцеплялись в ухо мальчика. Начиналась потеха.

Старуха била, щипала мальчика, всячески потешаясь над ним, и прикидывалась в то же время любящей родственницей. Питомцы ее встречали громким хохотом всякую шутку старухи. Для них это было большим развлечением. Только Митька один оставался в стороне и хмурился. Трудно было сказать – жалел ли он Красавчика или ему просто не нравился этот вид забавы.

Благодаря Крысе, прозвище Красавчик установилось за мальчиком.

В том мире, где вращался Красавчик, прозвища неизбежно даются каждому. Каждый из маленьких рабов Крысы обладал, кроме имени, еще и прозвищем, обличавшим его физические или духовные качества. Был тут Петька-Палач, Ванька-Жгут, Фронька Чудный Месяц. Среди уличных ребят это были самые обыкновенные прозвища. Зато кличка «Красавчик» казалась сотоварищам Мишки чем-то очень смешным и даже позорным. Петька-Палач неминуемо вступил бы в драку с каждым, кто осмелился бы назвать его подобным именем. Своими прозвищами мальчишки гордились даже: им казалось, что это были самые подходящие клички для мужчин в том смысле, в котором понимали они это достоинство. В глазах питомцев Крысы самым блестящим казалось положение Сашки-Барина, прославленного вора и громилы. Сашка-Барин был известен всему темному миру Петербурга. Знали его не только, как опытного вора, но и как отчаянного ножовщика. Сашку боялись, перед Сашкой благоговели все его собратья. Сашка-Барин, кроме того, всегда отлично одевался, носил на пальцах дорогие перстни и от него пахло хорошими духами.

К Крысе Сашка-Барин частенько навевался, чтобы сбыть кое-что из краденого. Держался он при этом, как настоящий барин, приводя в восхищение несчастных ребятишек. После его ухода по углам квартиры долго велись разговоры о нем, и каждый из питомцев Крысы надеялся, что со временем займет в свете положение не хуже Сашки-Барина.

Сашка и тот обратил как-то внимание на необычное прозвище Мишки. Кличка и ему показалась забавной.

– Красавчик? А что это у вас за Красавчик появился? Этот? Ха... ха!.. – разразился смехом Сашка, вертя перед собой смущенного мальчугана.

При этом присутствовал Митька. Он недолюбливал Сашку и не благоговел перед ним, как другие. В лице Сашки-Барина он видел какого-то выскочку, опасного соперника на пути к воровской славе, к которой Митька стремился всей душой. Когда Сашка заходил к Крысе, Митька не вылезал из своего угла, наблюдая со злобой, как бесцеремонно держится Сашка. «Форсит», – думал Митька и злился и завидовал Барину. Насмешка над Красавчиком кольнула его. Ведь что бы там ни было, а Красавчик был «своим». Если Барин над ним издевается, то значит и всех задевает. Митька вспыхнул.

– Чего пристал, Барин? – выходя на середину комнаты вызывающе бросил он.

Это было верхом дерзости. Мальчишки смеявшиеся вместе с Бариним, замерли. Сашка и тот опешил.

Митька, с трудом сдерживая волнение, подошел к Красавчику и оттолкнул его в сторону.

– Уйди.

– А ты откуда взялся? – сердито-изумленно спросил Сашка.

– А оттуда, – указал Митька на угол, из которого только что вышел.

Глаза Митьки сверкали из-под нахмуренных бровей. Лицо горело. Всею позой он выражал дерзкий, отважный вызов.

– А, Шманала! – узнал Сашка и покраснел вдруг от досады. – Ты это чего?..

Он шагнул к Митьке, желая расправиться с ним. Митька не отступил. Только злее и решительнее стал его взор, да правая рука скользнула к левому боку, где у него всегда имелся небольшой финский нож. Сашка заметил это движение и остановился.

– Ишь ты какой! – свистнул он и уже без досады, а с любопытством посмотрел на Красавчика.

– Да, такой! Подойдешь – перо³ в бок пушу. – И видно было, что Митька не шутит:

всем обликом своим он напоминал дикую кошку, готовую броситься на врага. В глазах Сашки зажегся огонек восхищения. Он одобрительно усмехнулся.

– Молодец, Шманала, люблю таких! Толк выйдет из тебя... Только не подумай, грехом, что слабо мне стало: не твоему чета перья ходили на меня... А молодец ты – это правда. Понравился ты мне... Всегда так действуй.

– У тебя не спрошусь, как действовать! – отрезал Митька, отходя от Сашки с угрюмым, хмурым видом. Возбуждение у него проходило вместе с тем, как противник оценил его. Он снова забился в свой угол.

Этим дело и кончилось. В глазах товарищей Митька покрыл себя неувядаемой славой. Для Красавчика же история имела свои выгоды: даже перед Крысой Митька почему-то счел долгом заступиться за него.

– Только тронь его, старая ведьма! – подошел как-то Митька к старухе в тот момент, когда она по обыкновению вздумала было потешиться над Красавчиком.

И звучала в его голосе такая нотка, что старуха отшатнулась в испуге. Она не посмела даже бранью разразиться, а только прошипела:

– Ишь змееныш!

– Змееныш, – спокойно согласился Митька, – а Красавчика не смей трогать. Даже если без меня тронешь – все равно потом кишки выпущу!

Крыса видимо испугалась. Красавчику после этого легче вздохнулось: редко осмеливалась старуха наградить его тумачом и только изощрялась в брани по его адресу.

Красавчик после этого случая почувствовал к Митьке искреннюю признательность. Незаметно она сменилась более теплым чувством, перешла в привязанность и даже в тайную любовь. Митька в глазах Мишки был теперь не только покровителем, но и героем. Он гордился его покровительством и всячески старался сойтись с ним ближе.

Но Митька оставался вполне равнодушным и, казалось, не замечал мелких робких проявлений чувств Красавчика. По-прежнему он был холоден с ним и сторонился от него, как и от остальных «плакальщиков» – презрительная кличка, которой наградил Митька нищенствующую армию Крысы. Редко-редко, но и то только с глазу на глаз перекидывался он с Красавчиком парюю фраз и тогда голос его звучал дружескими нотками, а в глазах просвечивала хмурая ласка. Так может смотреть только сильный на слабого, нуждающегося в защите.

Красавчик, хотя и вырос под опекой Крысы, однако не был похож на остальных ее питомцев.

Вокруг себя он не видел хорошего примера, никто никогда не говорил ему ни о честности, ни о других добродетелях, – но что-то чистое, жившее в его душе, мешало ему пасть, слиться с оравой наглых ребятишек, знакомых с пьянством и другими пороками.

³ Финский нож, кинжал.

Он никак не мог прийти до кражи. О честности, правда, Красавчик знал очень мало. Все вокруг него не только занимались кражами, но и смотрели на хорошую кражу, как на подвиг. Крыса в свою очередь благоволила к юным карманникам. Сплошь и рядом дети приносили ей кошельки, портсигары и другие вещи, которые можно найти в карманах зазевавшегося прохожего, и Крыса брала их. За ужином воришка даже поощрялся рюмкой водки и лучшим куском.

Красавчик не мог отважиться залезть кому-либо в карман. Мешала робость, страх перед чем-то непонятным.

Нищенствуя, Красавчик тоже вел себя не так, как другие. Несмотря на долгую практику, он не мог осмелиться выклянчивать подачку. Обычно выбирал он какой-нибудь уголок и молча провожал прохожих печальным взглядом. Красивое грустное личико обращало на себя внимание. Ему охотно подавали милостыню и редко возвращался Красавчик домой, не собрав нужной суммы.

Вообще Красавчик не подходил к логову Крысы, как белый чистый цветок не подходит к помойной яме. Ему и самому казалось иногда, что он случайно попал к Крысе. Раздумывая подолгу об этом, он доходил даже до того, что в памяти как будто пробуждалось воспоминание о чем-то другом, более отрадном и хорошем. Вспыхивала в мозгу искорка, и вырисовывалось из мрака прошлого какое-то красивое доброе лицо. Слышался даже голос, нежный и тихий, и чудился какой-то особенный приятный аромат. Но нельзя было различить в тумане милое лицо, неуловимо звучал голос и все походило на какой-то волшебный сон.

Однажды он рискнул даже спросить у Крысы о своих родителях. Старуха пытливо поглядела на него, точно стараясь узнать, с какой целью был задан вопрос. В хищных глазах ее скользнуло что-то опасливое, но горбунья сразу овладела собой.

– Отец твой – Царствие ему Небесное – братом родным мне приходился. Помер он, когда тебе и годика не было. А мать – непутевая она была – пьяная на улице подохла. Одна я у тебя, тетка родная, и осталась только.

Может быть, сироте иногда и приятно бывает узнать, что у него имеются родные, но Красавчика совсем не утешило заявление старухи: больно уж непривлекательна была его единственная родственница. Пришлось примириться однако и отбросить красивые грезы о призрачном прошлом.

И чем старше делался Красавчик, тем постылее становилось ему у Крысы. Тянуло его от нее куда-то. Куда? Он сам не знал, только тошно, тяжело становилось ему. Хотелось убежать подчас. Летом, нищенствуя в дачных местностях возле Петербурга, он видел жизнь, совсем не такую, как его. Тоска охватывала мальчика, душа стремилась к иной жизни, которой он не знал, но которая должна быть лучше, отраднее. Лежа где-нибудь в перелеске, он мечтал об этой жизни, создавал разные красивые картины. И шум деревьев над головой, и голубое чистое небо, и золото солнца на траве – все говорило ему о чем-то прекрасном, существующем на свете, к чему нужно только подойти, чтобы взять.

И чем больше раздумывал Красавчик, тем больше убеждался в необходимости избавиться от Крысы, от всех ее питомцев, переменить жизнь. И только Митьку одного не хотелось бросать.

«С ним бы и уйти, – думалось, – он хороший, с ним все можно... Мы бы зажили вместе».

Но Красавчик не знал все-таки, как осуществить свою мечту, и напрасно ломал голову, пока случай не переместил его в другую обстановку, но совсем не такую, о которой он мечтал.

Стоял как-то Красавчик на углу людной улицы, провожая просящим взглядом прохожих. Вдруг неподалеку раздался крик, поднялась страшная суматоха. Красавчик хотел было пойти на шум, но откуда-то вынырнул запыхавшийся Митька. В момент сунул он в руки Красавчика ридикюль и бросился бежать, крикнув на ходу:

– Затырь!⁴ Красавчик не сразу понял, в чем дело. Только когда мимо него пронесся городской и несколько человек, сообразил он, что Митьке грозит опасность. Это заставило его забыть и о ридикюле, и обо всем на свете. Напряженно следил он за убегающим товарищем и мучился за него, видя, как прибывает толпа преследователей. Опомнился Красавчик только тогда, когда чья-то сильная рука схватила его за ворот, и над самым ухом прозвучал суровый вопрос:

– Это у тебя откуда?

Какой-то бородатый мужчина держал его одной рукой, а другой указывал на ридикюль. Красавчика ударило в холодный пот.

Собралась толпа. От страха Красавчик забыл даже про Митьку. Когда подошел городской, он не мог сдержаться, и слезы ужаса и стыда холодными тяжелыми каплями покатались из глаз. Сердце замирало и в голове мутилось. Кругом колыхались, точно в тумане, злые враждебные лица; гул голосов слился в какую-то грозную волну, готовую захлестнуть маленькую дрожащую фигурку.

Красавчик силился сказать что-то и не мог от слез и от страха. Его тормозили, на него кричали, потом грубо потащили. Он уперся было, но здоровенный пинок заставил повиноваться. Красавчик плохо понимал, что нужно от него этим людям, но чувствовал, что впереди его ждет нечто страшное и беспощадное.

В участке он встретился с Митькой. В вонючей, грязной, полутемной арестантской находилось человек шесть всякого сброда. Среди них, как человек бывалый, восседал Митька, совсем спокойно рассказывая о чем-то, точно все случившееся было пустяком каким-то.

Увидев Красавчика, он изменился в лице.

– Ты? – злобно вырвалось у него. – Не сумел и этого сделать?! Эх...

Но жалкий, перепуганный вид товарища остановил ругательство, готовое сорваться с уст.

– Эх, брат! – с укоризной покачал Митька головой. – Засыпал ты меня... Да и себя... Ну, да не впервой – ладно! Тебя бы вот выпутать только.

И на следствии в сыскальной полиции Митька всячески выгораживал товарища. Даже снес терпеливо пару пощечин, которыми наградил его сыщик, будто бы за заpiresительство.

У Красавчика сначала было желание выпутаться из истории, но потом желание это пропало. Митьку не выпустят с ним – об этом говорил и сам Митька, – а жить без него Красавчику казалось совсем скверно. Крыса его не пугала – жил он у нее и до знакомства с Митькой. Просто чувствовал, что тоскливо будет ему без Митьки, к которому он привязался, точно к родному. И Красавчик решил разделить Митькину участь. Как бы тяжела она ни была, все же легче чувствовать возле себя друга. Кроме того, и Митьке, глядишь, не так скучно будет. И Красавчик решился.

На суде он неожиданно для товарища заявил:

– Мы вместе работали. Я всегда помогал ему.

И солгал так просто, так беззастенчиво, что даже судья удивился тону, каким Красавчик сделал свое заявление.

– Вместе работали? – переспросил он. – Как это работали?

Под пронизательным взглядом судьи Красавчик смешался.

– Воровали... – краснея, чуть слышно выдавил он.

Митька так и впился взглядом в товарища.

Тот улыбнулся в ответ, и Шманала понял, в чем дело. Он нахмурился, а в сердце между тем шевельнулась признательность, зажглась теплая искорка.

⁴ Спрячь!

Их осудили. Оба попали в тюрьму для малолетних. Митька второй раз уже вступил в ее стены и держался, как человек бывалый. Он даже гордился слегка знанием тюремных порядков и не без важности посвятил в них приятеля.

– Недолго тут мы побудем, – заявил он Красавчику в первый же день пребывания в тюрьме.

– Выпустят? – осведомился тот. Митька засмеялся.

– Выдумал тоже! Прямо винта нарежем⁵.

В первое время жизнь в тюрьме показалась Красавчику не хуже жизни у Крысы. Он находил даже, что работать в столярной мастерской⁶ гораздо лучше, чем торчать на улице и собирать милостыню. Однако не прошло и месяца, как стало грустно и тяжело. Подневольная работа, грубые окрики надзирателей, наказания делали жизнь в тюрьме день ото дня все тяжелее. И Красавчик загрустил, стал вянуть, словно срезанный цветок. Ложась на чистую хотя и грубую постель, мальчик вздыхал, вспоминая грязные нары, на которых приходилось спать у Крысы. Там он вставал, уходил из дома и, свободный, бродил по шумным улицам. Здесь с утра ждала его большая белая комната мастерской, где не смолкали молотки, визг пил и шуршание рубанков... Работа под надзором, колотушки мастеров и надзирателей, бранные окрики и толчки. И так каждый день. Томила душа, и сладкой музыкой звучали ей слова Митьки, шепотом передававшего планы на будущее.

– Мы уйдем отсюда, Мишка, уйдем совсем из города – в лес, к чухнам. В прошлое лето я там два месяца жил – хорошо было. Не унывай и будь помирнее, чтобы пауки⁷ не догадались, что мы винтить собираемся... А мы им бороду-то устроим⁸. Увидишь вот...

И Красавчик представлял себе этот лес... Золото солнца на деревьях, мягкий зеленый мох... Ясное голубое небо в вышине, в котором тонут шумливые верхушки стройных сосен, веселый птичий гомон... И забывалась работа в такие минуты, глаза устремлялись мечтательно в матовое стекло, казавшееся бельмом на фоне стены... Шум мастерской превращался вдруг в мягкий ласкающий гул леса... Красавчик забывал про работу и стоял, как зачарованный до тех пор, пока внушительная затрещина не возвращала его из мира грез к действительности. Сдерживая тяжелый вздох, принимался мальчик за постылую работу... Горечь поднималась в душе, и слезы обиды застилали взор.

Подошла весна. Лишь только сошел снег, юных арестантов начали выгонять на работу в огородах, громадной площадью подступавших к самому зданию тюрьмы. Нужно было взрывать почву и сбивать в длинные гряды взрыхленную землю. Эта работа нравилась Красавчику. Хотя и здесь были ненавистные надзиратели, окриками и пинками подбодрявшие юных рабочих, но зато весь день можно было дышать свежим весенним воздухом, ощущать на себе теплую ласку солнца. Над головой в голубом небе бежали белые облака, принимавшие самые причудливые формы, звенела радостная песнь жаворонка. Всюду проглядывала юная травка, ярко-зеленая, веселая, и лес, видневшийся вдали над высоким забором, зеленел день ото дня. Красавчик примечал, как унылую черноту его покрыл сперва легкий зеленый налет, нежный, как пух. И с каждым днем налет этот становился ярче и красочнее, пока не превратился в густой зеленый убор, совершенно закрывший печальную наготу деревьев. Зажелтели цветы одуванчика. Их

⁵ *Нарезать винта* – убежать.

⁶ В тюрьмах для малолетних устроены различные мастерские, в которых юные арестанты обучаются ремеслам. В Петербурге, помимо колоний для малолетних преступников, расположенных в окрестностях, имеется и тюрьма (на Арсенальной ул.) В то время, к которому относится наш рассказ, жизнь юных преступников в тюрьме была обставлена крайними строгостями. Суровые наказания, до розог включительно, сопровождали всякую провинность. В настоящее время (1914 г.) положение вещей изменилось. Излишние строгости отменены, и к розгам прибегают в редких, исключительных случаях.

⁷ *Паук* – сыщик, надзиратель.

⁸ *Устроить бороду* – надуть, провести.

Красавчик собирал тайком и уносил в камеру, где клал под подушку и любовался ими по ночам при тусклом свете лампы, горевшей всю ночь.

За работой на огородах время шло как-то незаметно. Пролетел апрель и наступил май. Красавчик даже тосковал меньше. Нароботавшись вволю за день, надышавшись свежим воздухом, он засыпал почти мгновенно чуть добравшись до кровати. Не было времени предаваться печальным думам.

С Митькой Красавчик редко видался за это время. Работал Шманала в другой партии, и только по вечерам, когда сходились по камерам, после переключки, удавалось друзьям перекинуться парой фраз. Красавчику казалось иногда даже, что Митька нарочно уклоняется от разговоров с ним. Он как-то сторонился Красавчика, и если бы не особенная нежность, звучащая в тех двух-трех словах, которыми он изредка дарил друга, можно было бы подумать, что Митька совершенно охладел к нему.

На самом деле Митька по-прежнему питал к приятелю нежные чувства. Показная же холодность была только военной хитростью с его стороны. С наступлением весны обычно тюремные надзиратели усиливали бдительность по отношению к юным арестантам. С весной начинались побеги из тюрьмы, и начальство тюремное зорко следило за тем, чтобы заключенные не шушукались по уголкам.

Митька твердо решил убежать вместе с Красавчиком и ему не хотелось навлекать на себя подозрений. Он хорошо знал, что «духов»⁹ можно провести лишь полнейшим хладнокровием и примерным поведением, и старался вовсю. За ним, как за бывшим беглым, особенно следили. Он знал это и делал вид, что тюрьма его нисколько не угнетает, что у него нет никаких поползновений вернуть себе свободу.

Для Красавчика поведение Митьки было загадкой. Он разрешил ее только тогда, когда Шманала шепнул ему однажды:

– Сегодня ночью увинтим. Клещ дежурит...

Сердце Красавчика радостно вздрогнуло. Ему хотелось расспросить друга о подробностях плана побега. Но Митька добавил только:

– Как уснут все, оденься потихоньку и ляг под одеяло... – После этого он отошел в сторону, делая вид, что не замечает товарища.

Спать ложились в 9 часов. Красавчик улегся в постель, снедаемый любопытством и тайным страхом.

Клещ запер камеру и, когда все успокоилось, улегся, позевывая, на «надзирательскую» кровать. Не прошло и четверти часа, как храп его врезался мощным аккордом в дыхание спящих арестантов. Дети, утомленные работой на воздухе, заснули, едва улеглись в кровати.

Красавчик, весь дрожа от волнения, поднялся, чутко прислушался и принялся одеваться. Он на минуту задумался, надевать ли сапоги. Решил, однако, что они могут служить помехой – и не надел. С сильно бьющимся сердцем юркнул он снова под одеяло и стал ждать, чутко вслушиваясь в тишину, нарушаемую храпом и дыханием спящих.

Ему послышалось вдруг, что скрипнула половица в дальнем углу комнаты, возле дверей... А вот, словно бы тихо звякнул ключ... Красавчик замер в тревоге, вдруг охватившей его... Кровь прилила к голове и стало жарко, точно в бане. Потом волна холода прошла по телу, капли пота осели на лбу, и руки стали влажными.

Он слушал, затаив дыхание, но не было больше посторонних звуков... Прошло минут пять.

И вдруг над самым ухом пронеслось точно дуновение ветерка:

– Вставай... Готово... Только тише, Красавчик.

⁹ Дух – надзиратель, городской.

Красавчик ждал этого и все-таки вздрогнул всем телом. Как-то машинально поднялся он с постели и на четвереньках пополз вслед за другом, укрываясь в тени шеренги кроватей. Сердце стучало так громко, что мальчику казалось, будто оно может разбудить всех в камере. Он весь дрожал от страшного волнения.

Доползли до дверей. Без шума и скрипа отворил их Митька. Они были только притворены, так как Митька заранее отомкнул их ключом, украденным у спящего Клеща.

В длинном коридоре было пусто и темно. В конце его мутнело прямоугольное пятно окна, точно призрак, стоящий на страже. Беглецы бесшумно двинулись к нему.

Окно выходило прямо на огороды. Снаружи его охватывала решетка из продольных железных прутьев но это не смущало Митьку.

Тихонько распахнув окно, он нащупал один из прутьев и свободно вынул его из гнезда.

– В прошлый раз я отсюда утек, – шепнул Митька. – Прут этот мне товарищ показал... Васька-Косой, с которым мы винтили тогда. Вылезай!

Красавчик не заставил себя ждать. Минуту спустя, он лежал в мягкой рыхлой земле, поджидая товарища. Митька спрыгнул только тогда, когда притворил плотно окно и вставил на место железный прут.

– Нечего «духам» показывать лазейку – заделают. А она, может, и еще пригодится, коли не нам, так другим, – пояснил он Красавчику, пробираясь по огородам в сторону перелеска, темневшего вдаль.

Слишком коротка белая майская ночь, и друзья еле успели добраться до ближайшего леса, как совсем разодело. Забившись в непролазную чащу кустов, они решили переждать день, чтобы ночью тронуться в путь.

Митька думал направиться вдоль Финляндской железной дорогой к Белоострову, в окрестностях которого он бродил прошлое лето.

– Хорошо там, – говорил он другу. – Рыбу руками хоть лови по ручьям и в озере. Дачников-господ там много – есть кому ягоду и грибы продавать... И местечки такие я там знаю, что ни один черт не сыщет. Увидишь, как хорошо. По дороге тоже есть у кого стрелнуть на табак да хлеб... Лучше этого не придумать...

Красавчик лежал, зажмурившись, на свежей зеленой траве. Говор приятеля сливался с лесными звуками и казалось ему, что не Митька, а лес, вся природа кругом нашептывает о новой, незнакомой, но красивой жизни.

Ему безразлично было, куда идти, лишь бы не видеть тюрьмы и старой горбатой Крысы. Была бы воля только, лес да Митька еще. И Красавчик чувствовал себя совершенно счастливым.

Первый день приятели провели в тревоге: боялись, что наткнется на них кто-либо и по платью узнает, что они за птицы. К утру же второго дня они почувствовали себя в безопасности: их укрыли заросли ольшаника – опушка громадного леса, тянущегося вглубь Финляндии.

В укромном уголке

Проснувшись, Красавчик поднялся не сразу. Прямо в глаза глянуло бледно-голубое прозрачное небо и точно очаровало мальчика своей бездонной глубиной. Розовые клочки облаков медленно ползли в вышине и забрасывали в душу Красавчика что-то радостное, розовое, как и они сами. Думать ни о чем не хотелось...

Вспомнилась была тюрьма, Крыса, бывшие товарищи, но только проскользнули в памяти и исчезли, точно темные призраки.

Вдохнулось полной грудью, так легко и свободно.

Солнце давно уже взошло, но лучи его не проникли еще на площадку. Было сыро и сумрачно. Кое-где только золотилось кружево кустов и на фоне неба казалось резким и четким, точно вычеканенным из металла.

Гомозились птицы. Со всех сторон несло чириканье и посвистывание, переплетавшееся в веселый радостный гомон. Красавчик прислушался к звукам утра и ему показалось, будто где-то далеко-далеко какой-то многоголосый хор поет тихую торжественную песню... В нее врываются голоса птиц, и песня от этого становится радостнее. Но минуто спустя, очарование пропало: торжественный гимн превратился в размеренное журчание струек воды. Красавчик снова вдохнул полной грудью и поднялся, почувствовав легкий озноб от утренней сырости.

Черные головни костра, затянутые серым слоем пепла, валялись возле. Тут же лежала и котомка, сооруженная Митькой из куска рогожи и веревки. Митьки же не было. Трава, не успевшая выпрямиться, обозначала место, где он лежал. Красавчик посмотрел по сторонам. С трех сторон обступали его кусты, сгрудясь ярко-зеленой пушистой стеной. С четвертой – за обрывом – поднимались стволы молодого сосняка, желтые, точно янтарь. Дальше хмурилась темная зелень старого леса, облеченная в пурпурную корону из солнечных лучей.

– Как хорошо!

Красавчик даже подпрыгнул от радости, забыв о товарище. Звонкая переливчатая трель, сыпавшаяся с неба, привлекла его внимание. Красавчик поднял голову и различил черную точку, трепетавшую в голубой глубине. И долго следил он за жаворонком, пока тот не опустился кружащим полетом к земле...

Вспомнил о Митьке. Его все не было. Это слегка встревожило, но он тотчас успокоил себя:

– За хворостом верно ушел.

Но в кустах было тихо. Не слышалось треска ломающихся ветвей. Только вздрагивали кое-где тонкие веточки от прыжков неугомонных птиц. Очевидно, Митька ушел не за хворостом. Но куда же?

– Ми-итя! – решил окликнуть Красавчик.

С одной стороны кусты заглушили крик, но зато внизу, под обрывом, он отдался звонким гудящим эхом. И снизу же откликнулось:

– Здесь я!.. У ручья!..

Красавчик подошел к обрыву.

Трудно было проникнуть взором сквозь густую заросль кустов, лопуха и трав, покрывавшую почти отвесный склон оврага.

Блестящая змейка бегучей воды извивалась среди зелени, то зарываясь в ней, то с шумом прыгая по камням.

– Где ты? – тщетно стараясь увидеть друга, спросил Красавчик.

– Здесь. Правее смотри.

Затрясся большой куст бузины, склоненный над водой. Вглядевшись, Красавчик увидел возле него Митьку. Тот улыбался, глядя вверх. И улыбка эта была радостная, веселая, какой Красавчику не случалось еще видеть у Митьки.

– Что ты там делаешь? – тоже улыбаясь, спросил Красавчик.

– Головлей ловлю. Катись ко мне! Я давно поднялся, – сказал Шманала, когда Красавчик спустился вниз, – до солнца еще. Смотри, сколько рыбы наловил.

В ямке, вырытой в песке, билось несколько черных скользких рыбешек. Красавчик присел возле них на корточки.

– Ишь ты! Раз... два... четыре... восемь штук! Здорово... А чем ты их ловишь?

– Руками. Посмотри вот.

Митька вошел в воду. Осторожно обойдя камень, он быстро сунул под него обе руки и через секунду вытащил из-под него головля.

Красавчик захлопал в ладоши:

– Ловко... Давай его сюда скорее, а то вырвется еще!

– Не вырвется... Лови!

Мелькнув в воздухе, рыба забила в траве на берегу. Красавчик кинулся к ней. Восторг охватил его, когда в руке затрепетала скользкая, верткая рыба. Бережно отнес ее мальчик и положил в яму к другим рыбам.

Ему захотелось самому попытать счастья в охоте. Он вошел в воду и, подражая Митьке, стал обшаривать под водою камни. Но не везло как-то. Подчас и скользила под пальцами рыба чешуя, однако Красавчику не удавалось схватить рыбу: она вывертывалась и уходила прямо сквозь пальцы.

– Хватит! – прервал Митька ловлю. – У меня уж 15 штук накопилось. А у тебя?

– Ничего.

Митька фыркнул:

– Рыболов тоже! Ну, да наловчишься потом... Сначала-то и у меня ничего не выходило...

Пойдем-ка стряпать теперь.

Рыбу испекли в горячей золе. Завтрак получился вкусный. По крайней мере Красавчик находил, что ничего вкуснее ему не приходилось есть.

Впервые пришлось Красавчику есть завтрак, сооруженный собственными трудами, и это приводило его в восторг. Он восхищался ловкостью, с которой Митька развел костер и жарил рыбу. Ничего подобного не приходилось еще видеть.

– Ловко ты делаешь все это, – не мог не похвалить он приятеля.

– Ну, еще бы! – отозвался тот. – Ведь прошлое лето я два месяца прожил в этих местах – научился.

Красавчик задумался на минуту.

– А не скучно тебе было? Митька вскинул на него глаза:

– Чего скучно?

– А одному-то?

– Не-ет, – протянул Митька, возясь у костра. И добавил после молчания: – Вдвоем-то понятно, веселее, хоть и одному скучать-то не приходилось. Тут дачи недалеко и станция...

На станцию я шманать ¹⁰ ходил...

– Ходил?

– Понятно, ходил.

Митька бросил мимолетный взгляд на товарища и нахмурился.

– Чего глаза-то выпучил? Деньги нужны же были...

¹⁰ Воровать, обирать кого-либо.

Замолчали. Красавчик уставился взором в огонь и долго глядел на костер, не мигая. Митька занялся рыбой и по отрывистым резким движениям его было видно, что он недоволен чем-то.

Наконец, Красавчик спросил робко:

– А теперь?.. Не будешь шманать?

Митька прочел тревогу и грусть во взгляде товарища. Он сердито дернулся и буркнул сквозь зубы:

– Чего говорить об этом...

И разговор больше не клеился. Пропало веселое настроение, словно что-то тяжелое придавило его. Красавчик погрузился в грустное раздумье. Митька же злился почему-то: впервые разговор о воровстве поднял что-то тяжелое в его душе, и это было в высшей степени странно.

Когда поспел завтрак, настроение поднялось. Уплетая рыбу, друзья повеселели и к концу трапезы болтали с прежней веселостью: темное, что надвинулось внезапно, отошло, и снова на душе у друзей было радостно и легко.

Поели и развалились возле костра в живописных позах. Митька вынул махорку из кармана и занялся свертыванием «цигарок». Одну для друга, другую – себе.

– Теперь совсем на своей воле зажили, – заговорил он. – Только здесь-то мы не останемся, Миша. Здесь нам нечего околачиваться.

– Почему?

– Место плохое. Как тут жить на открытой полянке? Я знаю местечко получше. Недалеко отсюда... Есть тут озеро, а на берегу пещера. В ней я жил прошлое лето и теперь в ней заживем. Отдохнем вот только и пойдем туда. Там чудо и только. Дачи близко... Станция тоже...

При упоминании о станции Красавчик кинул на Митьку тревожный взгляд. Но взор Митьки был безмятежно спокоен, и тревога Красавчика погасла.

– И пойдем туда, – продолжал Митька. – Ты что думаешь?

Красавчик ни о чем не думал. Так хорошо было лежать на мягкой траве и ощущать теплую ласку солнца, что ни одна мысль не лезла в голову. Кроме того, ему было все равно, куда идти. Была бы только свобода и лес. Он кивнул головой.

– Мне что? Пойдем, хоть сейчас.

– Ну денек-то побудем тут еще. Отдохнем, как следует, и тогда пойдем.

Солнце начинало припекать. Жарко становилось на площадке, и друзья перешли под тень кустов.

– Легче тут немного, – заметил Митька, скидывая однако толстую серую арестантскую куртку. – Скинь и ты – право, хорошо.

Красавчик последовал примеру друга. Приятная прохлада охватила тело. Оба с наслаждением разлеглись на траве, здесь, под кустами, еще влажной от росы.

Куртки, по-видимому, дали новое направление мыслям Митьки. Швырнув окурки «цигарки» в кусты, он повернулся к приятелю.

– Нам надо бы одежду сменить, Красавчик. В этой штуке, – он ткнул кулаком в куртку, – нас и распознать могут. Тут не смотри что чухны живут, а полиция-то русская. Фараоны¹¹ разношают мигом. Одежду непременно сменить надо, а то засыпемся.

Красавчик был настолько далек от каких бы то ни было мыслей, связанных с тюрьмой, что забыл даже о тюремной одежде, которую носил. Опасения Шманалы показались ему справедливыми.

– Правда, – согласился он, – а где другую одежду взять?

– Где? – Митька отвел взгляд в сторону.

¹¹ Фараон – городской.

В прошлое лето он попросту украл себе коломьянковую куртку со двора какой-то дачи. По его мнению, это был самый простой и самый верный способ переодеться. Но он почему-то воздержался предложить этот способ Красавчику. Он знал, что Красавчик не согласится, и мысленно обозвал его «дураком» и «трусом». Как нарочно, Красавчик спросил в эту минуту:

– А в прошлое лето ты как же? Лукавая улыбка скользнула по губам Митьки.

– В прошлое? Да просто стырил... Сушат дачники на заборах разные рубахи, ну я и взял себе одну.

Из скромности Митька умолчал о том, что «стырил» он не одну, а несколько рубах. Не рассказал так же и о том, что лишние рубахи были проданы владельцу постоянного двора возле станции.

Красавчик ничего не ответил. Только в глазах его скользнуло опасение. Митька заметил это и раздражение шевельнулось в его душе.

– Тебе-то, понятно, «слабо» станет пойти на это... «Плакальщик» ведь ты... Может, выкулишь у дачников нам по рубахе?

Насмешка больно резанула Красавчика. Он поглядел с укоризной на Митьку:

– Зачем говоришь так? Я ведь... – дрогнули губы, и Красавчик не договорил.

Митьке стало жалко товарища.

– Пошутил я, Миша, – хмуро вымолвил он, – не сердись... А насчет стрельбы это я верно сказал, – продолжал он. – Коли не стырить, так выскулить по рубахе придется. Надо будет к дачникам пойти. Пострелять... Я уж надумал, как...

Слова Митьки неприятно подействовали на Красавчика. Точно взял кто-то вдруг его радостную, ликующую душу и погрузил во что-то мрачное и холодное. Он точно сразу перенесся к Крысе, в прежнюю постылую обстановку. Красавчик даже кинул вокруг недоумевающий взгляд: не пропали ли яркая зелень, теплая ласка майского дня и веселый беспокойный птичий гомон? Стремясь на свободу, он мечтал о другой, неведомой, но счастливой жизни, в которой даже тенью не проскользнет печальное прошлое. Он думал зажить с Митькой совершенно по-новому и, вырвавшись из тюрьмы, ни разу не вспомнил о своем прежнем ремесле. Слова друга камнем легли на душу. Красавчик вздохнул и пригорюнился, как человек, которого безжалостно вырвали из области фантазии и кинули в скучную, серую действительность.

От Митьки не укрылась подавленность приятеля. У отчаянного питомца Крысы – Митьки-Шманалы – была чуткая душа. Он понял друга, хотя и странной показалась ему причина его печали.

– Эх, Красавчик, – почти с досадой вымолвил он, – да ведь один раз пойдем только! Потом уж не будем стрелять. Так разве, если на табак да на хлеб понадобится... А когда ягоды да грибы пойдут, то ни стрелять, ни шманать не нужно будет – собирать будем и продавать. Чего ты? Да и теперь-то, когда будем ходить, – я буду говорить, а ты только ходи со мной... Тебе-то и дела будет, что ходить со мной да молчать. Понятно, если спросят о чем, то ответишь – я научу тебя, как. Понял?

– Понял. Да это все равно, ходить или говорить... Думал я, Митя, что не нужно этого будет... Вот я почему... А уж раз нужно, то пойдем...

– Ну вот и молодец! – оживился Митька, – ты хороший парень! Не пойти ли нам сегодня за рубахами-то?

Красавчику было безразлично, когда идти. Мечты его все равно потерпели крушение. Его утешало только, что в недалеком будущем все-таки не нужно будет собирать милостыню.

– Мне уже все равно, – вздохнув, проговорил он.

– Ну и ладно. А не искупаться ли нам? – предложил Митька, чтобы развлечь приятеля. – Айда, брат, к ручью.

– Пойдем, – оживился Красавчик.

Вода в ручье оказалась холодная: долго купаться не было возможности. Друзья скоро снова забрались нагишом на площадку. Обоих била дрожь от студеной воды и приятно было подставить горячему солнцу иззябшее тело.

– Брр... – вымолвил Митька. – И холодная же вода! Не иначе, как ключевая.

Он шлепнул по плечу Красавчика:

– Сойдемся, что ли?

Красавчик, смеясь, согласился. Оба сцепились в клубок и с хохотом покатались по поляне. На белом теле Красавчика смугло выделялись упругие члены Митьки, шутя перебрасывавшего и катавшего по траве приятеля. Громкий смех наполнил полянку, спугнув птиц с кустов.

– Что это у тебя? – прекратил Митька борьбу и, отдышавшись, уставился пальцем в левое плечо Красавчика. – Что это?

– Где? – еле вымолвил тот сквозь одышку.

– Да на плече.

– Ах, тут! Родимое пятно...

– Впервые вижу такое родимое пятно. Посмотри-ка, ну ровно бабочка коричневая... Вот крылышки, хвостик, головка... Усы даже... Ей-ей, как вырисовано... Совсем бабочка...

– А раньше ты не видал его у меня? – усмехнулся Красавчик. – Ведь сколько времени вместе жили.

– Не пришлось. Эх, да! – вспомнив воскликнул Митька. – Колька-Палач говорил мне про бабочку у тебя на плече. Ты с ним на Бабьей речке купался, так видел он, правда! И бывают же такие штуки... Только неспроста это...

– Почему неспроста?

– Да так, – уклончиво заметил Митька. – Только уж запомни, что неспроста, – уверенно добавил он, надевая белье.

Одеваясь, Красавчик задумался. Почему-то вспомнились вдруг Крыса, Колька-Палач и другие ее питомцы. Почему-то уверенность Митьки, что «неспроста» у него родимое пятно приняло форму бабочки, выдвинуло в памяти горбуню и старых сотоварищей. До этого он не говорил с Митькой о Крысе, а теперь почему-то захотелось потолковать о ней. Когда оделись и улеглись на солнцепеке, он спросил:

– Ты знал Крысу до того, как стал жить у нее?

Тема разговора даже Митьке показалась странной. Он с недоумением взглянул на Красавчика.

– Знал. Чего это ты о ней вспомнил? Красавчик пожал плечами.

– Не знаю. Может, не к добру это...

– Понятно, не к добру. Разве чертовки вспоминаются к добру? – наставительно заметил Митька.

Красавчик мысленно согласился с ним. Однако старуха продолжала занимать мысли и он не мог удержаться от дальнейших расспросов.

– Когда же ты узнал ее? Митька фыркнул.

– Я то, братец, знаю ее года четыре, а слышал про нее много от людей, знавших ее и по двадцать лет. А ты мало что ли знаешь ее? Племянник ведь... И мало ли она колотила тебя? Забыл, что ли?

В воспоминаниях этих было мало приятного. Красавчик съежился...

– Спасибо тебе, – тихо вымолвил он. – Ты вступился.

– Чего там, – махнул Митька рукой, и что-то хмурое, угрюмое, почти волчье скользнуло в его взоре. – Сволочь она, вот что!

Он отвернулся, как бы отказываясь от дальнейших разговоров, но, минутой спустя, снова повернул лицо к товарищу. Оно было хмуро и в глазах горели искры ненависти.

– Ведьма она! – каким-то глухим голосом заговорил он. – Ей бы давно в каторгу надо...
Знаешь ты, что она делала раньше, когда ты-то и на свет не родился?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.